

— Тебе не нужно ничего говорить. Подожди, пока он сам спросит, а потом отвечай — разве не так?

Обычно немногие могли заставить этого ленивого Звездного Владыку сдвинуться с места. Однако сегодня он был необычайно усерден, без усталости сновал туда-сюда, лишь бы увидеть это редкое зрелище.

Не прошло и мгновения, как Нин Чжи, полный энтузиазма, добрался до Пруда Расколотого Снега, где увидел Цин Ду, сидящего с закрытыми глазами в медитации. Еще издали он крикнул:

— Божественный Владыка Цин Ду, я, малый небожитель, выполнил ваше поручение и вернул вашего драгоценного ученика!

Когда он подошел ближе, Цин Ду медленно открыл глаза, мельком осмотрел его, и его взгляд остановился на рукаве Нин Чжи.

Нин Чжи помахал рукавом, улыбаясь во весь рот, и сказал:

— Он спрятан здесь, но не хочет выходить. Ничего не поделаешь, он меня не слушается. Поэтому я вернул его вам. Позовите его, он всегда вас слушается, и наверняка выйдет.

Божественный Владыка не торопился и спросил:

— Зачем прятаться?

Услышав его голос, спрятавшийся Хуа Чжаошуй начал нервничать, чувствуя, что вопрос адресован ему. Но ему было настолько неловко, что он продолжал изо всех сил делать вид, что ничего не слышит.

Нин Чжи хихикнул и ответил:

— Вы спрашиваете меня о вашем ученике? Хм... Возможно, он просто стесняется. Услышав, что вы специально пришли его проведать, он, вероятно, так растерялся, что не знает, что сказать.

После этих слов Божественный Владыка холодно взглянул на него, но Нин Чжи, увлеченный зрелищем, не обратил на это внимания. Зная, что Божественный Владыка Цин Ду сейчас не до него, он продолжил подначивать:

— Ну, позовите его! Я не решаюсь с ним связываться — вдруг он ушибется или поцарапается, я ведь не смогу за это ответить.

Сердце Хуа Чжаошуй билось все быстрее. «Надо было сбежать по дороге!» — пронеслось у него в голове. А то еще возмущался, что Звездный Владыка Нин Чжи оказался таким бесцеремонным — сказал, что вернет его, и действительно вернул, хотя обычно его и уговорить нельзя.

Он мучился некоторое время, затем начал размышлять, сможет ли он сейчас улизнуть прямо под носом у учителя. К сожалению, он еще не успел прийти к какому-либо выводу, как услышал голос:

— Ци Гу.

Хуа Чжаошуй вздрогнул всем телом, не зная, стоит ли откликаться. Пока он колебался, он услышал:

— Подойди ко мне.

Хуа Чжаошуй все еще упрямылся, но, услышав, что учитель сам его зовет, он, под насмешливым взглядом Нин Чжи, медленно, словно на смерть, выполз из укрытия.

К сожалению, Нин Чжи не смог насладиться зрелищем подольше — Божественный Владыка Цин Ду взглядом выпроводил его. Остался только Хуа Чжаошуй, стоящий в нескольких шагах, опустив голову, с видом полного отчаяния.

— Подойди ко мне.

Цин Ду посмотрел на него и повторил.

Обычно, услышав такие слова учителя, он сразу же подходил и садился рядом. Но сегодня Хуа Чжаошуй, шаг за шагом, медленно и неохотно, сел рядом с учителем, оставив между ними небольшое расстояние, всем своим видом выражая тревогу и страх.

— Во время преодоления бедствия Нин Чжи навещал тебя?

Цин Ду, не глядя на него, спокойно начал разговор.

Хуа Чжаошуй на мгновение замер, затем поспешно кивнул:

— Да, он пришел рассказать о буддийской лампе.

Шэн Цзяньвэй кивнул, затем внезапно поднял руку и приложил ладонь к его лбу, отчего тот резко отпрянул.

— Нин Чжи сказал, что твоя духовная энергия нестабильна. Я проверю.

Видимо, заметив его замешательство, Шэн Цзяньвэй добавил объяснение.

Хуа Чжаошуй смутился, тихо кивнул, чувствуя тепло его ладони, и неуверенно пробормотал:

— Думаю, все в порядке... Я чувствую себя хорошо...

— Я вижу, что не совсем.

Шэн Цзяньвэй убрал руку, его лицо стало серьезным.

— Сам не чувствуешь? Во всем твоём теле нет ни одной струйки энергии, которая текла бы правильно. Раньше я велел тебе ежедневно медитировать и регулировать дыхание. Ты, наверное, ленился?

Услышав в его голосе легкий упрек, Хуа Чжаошуй поспешно объяснил:

— Учитель, я не ленился, я все делал, как вы сказали. Возможно, это из-за того, что я побывал в мире людей. Может, после отдыха все наладится.

— Подойди сюда.

Услышав это, Хуа Чжаошуй подвинулся ближе, и учитель легонько коснулся его лба пальцем. Тут же он ощутил тепло, которое разлилось от лба до кончиков пальцев. Сегодня, только что выйдя из Диска Восьми Звезд, он чувствовал, что каждая косточка и каждый канал в его теле словно вывернуты наизнанку. Теперь же он ощутил, что все внутри стало гладко и спокойно.

Он понял, что учитель передал ему часть своей духовной силы, и вмиг забыл все свои неудобства, с благодарностью сказав:

— Спасибо, учитель, мне гораздо лучше.

— Ты действительно много пережил в этом путешествии. Отдохни немного перед тем, как снова войдешь в Диск Восьми Звезд.

Шэн Цзяньвэй взглянул на пролетающего в небе белого журавля, затем снова посмотрел на него.

— А до этого я отведу тебя в одно место.

Хуа Чжаошуй всегда слушался его и никогда не сомневался в его решениях. Ошеломленный, он последовал за учителем. Только когда они оказались под крышей в мире людей, он с некоторым запозданием спросил:

— Учитель, зачем вы привели меня в мир людей?

Снаружи моросил дождь, мокрые каменные плиты глухо отзывались на шаги.

— Пойдем.

Хуа Чжаошуй услышал его слова, поднял голову и увидел, что учитель каким-то образом достал бумажный зонт, который теперь укрывал их сверху. Когда они вышли из-под крыши, стало слышно, как дождь стучит по зонту. Хотя снаружи был лишь легкий дождик, под зонтом казалось, что ливень усилился.

Хуа Чжаошуй прижался к учителю, укрывшись под зонтом, и наблюдал, как мимо них спешат прохожие без зонтов, а торговцы торопливо натягивают брезент. Вся улица казалась занятой и суетливой.

Он смотрел на это, и в его сердце воцарилось спокойствие. Он даже протянул руку, чтобы поймать падающие капли, затем, намочив руку, отдернул ее и стряхнул воду. Ему это показалось забавным, и он повторял это движение снова и снова.

Когда он в четвертый раз отдернул руку, учитель протянул ему носовой платок. Он взял его, нервно вытер руку, затем сжал мокрый платок в руке и, подняв лицо, спросил:

— Учитель, куда мы идем?

Шэн Цзяньвэй не ответил на его вопрос, а вместо этого спросил:

— О чем ты думал, когда входил в Диск Восьми Звезд?

Хуа Чжаошуй задумался, сжав платок в руке еще сильнее, и после долгого размышления просто сказал:

— Ни о чем... Я не помню.

— Вход в Диск Восьми Звезд, путешествие в мир людей — для тебя это просто преодоление бедствия, верно?

Хуа Чжаошуй немного подумал, затем кивнул:

— Учитель сказал, что я должен пройти испытание Красной Пылью, испытать восемь страданий мира людей, чтобы мое мастерство могло подняться на новый уровень.

— Тогда зачем ты занимаешься совершенствованием?

Шэн Цзяньвэй замедлил шаг, глядя на него.

Хуа Чжаошуй долго размышлял, его брови все больше хмурились, и он неуверенно ответил:

— Разве не все, кто занимается совершенствованием, стремятся к этому? Люди совершенствуются, чтобы однажды вознестись и обрести бессмертие; небожители стремятся повысить свое мастерство, преодолеть свои пределы и создать свои миры. Разве не так?

— Конечно, нет.

Шэн Цзяньвэй глубоко посмотрел на него.

— В мире не так уж много вещей, которые изначально таковы. Просто многие так говорят, и это кажется правильным. Но люди изначально разные. Разве не слишком бесчеловечно требовать от всех одного и того же?

Хуа Чжаошуй не понял и спросил:

— Тогда как же должно быть? Зачем заниматься совершенствованием, стремиться к бессмертию?

Шэн Цзяньвэй остановился и легонько ткнул его в грудь:

— Зачем — это ты должен спросить у себя самого.

— Но учитель, я не понимаю, — Хуа Чжаошуй, видя, что он продолжает идти, сделал несколько шагов, чтобы догнать его. — Все говорят, что у меня плохая способность к пониманию, и даже если учитель так силен, он не сможет меня научить. Если... если я делаю это ради учителя, это тоже может быть причиной?

Шэн Цзяньвэй взглянул на него и улыбнулся:

— Как это ради меня?

Щеки Хуа Чжаошуя мгновенно покраснели. Под его взглядом вся его уверенность исчезла, и он тихо сказал:

— Все говорят, что ученик Божественного Владыки Цин Ду, даже если не может быть таким же сильным, как учитель, не должен быть таким, как я, не показывающим прогресса сотни лет... Они говорят, что учитель может убивать демонов и монстров, но не может воспитать хорошего ученика. Я не хочу, чтобы они так думали.

Уголки губ Цин Ду тронула улыбка:

— Это может быть временной причиной, но не может быть причиной на всю жизнь. Придумай что-то другое.

Хуа Чжаошуй не мог придумать и нарочно спросил:

— Учитель, вы привели меня сюда, чтобы я нашел себе причину?

<http://bllate.org/book/16756/1562961>